

О СИЛЕ ОБЩЕГО МНЕНИЯ

Во всех государствах, идущих к просвещению, сверх силы законов и правительства устанавливается с течением времени нечувствительно особенный род силы, коей действие над умами вначале слабое, мало-помалу расширяясь, делается наконец главною стихиею политического бытия и определяет судьбу человеческих обществ.

Зачинаясь в тайне личного самолюбия, возрастая по мере сопряжения личных польз с общественными, образуясь положением государства, сила сия вскоре появляется среди обществ человеческих со всеми признаками могущества, часто непреодолимого и всегда уважаемого. Иногда, поборая законам и правительству, иногда им противодействуя, она низвергает государства или служит им утверждением. Почтенна в своих действиях, когда действует к общему благу, ужасна в заблуждениях, когда направление ее противно общественным постановлениям. Во всех случаях она составляет важнейший предмет размышлений законодателей и воздействия правительства.

Сила сия есть сила *общего мнения*.

Общее мнение, или дух народный, есть внутреннее убеждение большей части людей, в каком-либо политическом или гражданском предмете происходящее или от долговременной привычки, или от предрассудка, или от постоянного действия климата, правительства и законов.

В Риме общее мнение или дух народный устремлены были к завоеваниям. В Афинах дух народный состоял в пылкой предприимчивости и в тщеславии. В век Карла Великого¹² дух народный состоял в рыцарстве.

Дух народный переменяется по обстоятельствам. Всякий век имеет свою физиогномию. Дух народный есть целое, а

характер народный есть господствующая часть его. Были и есть государства, в коих дух народный ничем не обнаруживается не оттого, чтобы люди в сих государствах не имели общих привычек, общего образа мыслей, но оттого, что сии привычки и сей образ мыслей устремлены на предметы частные и личные, не обращены к делам общественным. Дух народный, разделенный в тысяче личных мнений, не образуется в видимом целом и не составляет силы государственной.

В восточных деспотических государствах народ имеет, конечно, свои привычки, свой характер; он может быть храбр или сластолюбив, склонен к роскоши или к умеренности, к жестокости или к мягкосердечию, но в государствах сих очень редко является дух народный по образу правления, там существующему. Люди очень редко имеют случай заниматься делами общественными. Власть верховная, всем движущая и располагающая, в сих государствах действует по соображениям, ей одной только известным, а действие ее, подобно молнии зарождающейся в отдаленных облаках, открывается только тогда, когда она разит или блистает. Кто может проникнуть в первые ее начала и какая польза умствовать там об общем добре, где один удар произвола в минуту может испровергнуть все планы и гадания.

Сие ведет нас к разысканию обстоятельств, в коих рождается дух народный, и тех признаков, по коим рождение его узнать можно.

Дух народный рождается часто без содействия правительства от стечения обстоятельств, коих оно ни предвидеть, ни остановить не может. Сильные потрясения государств, от внутренних междоусобий, от избытка угнетений или от опасной внешней войны происходящие, часто открывали таящуюся в умах силу общего мнения, устремляя внимание и мысли людей к делам общественным. Великие происшествия сии поглощали, так сказать, личные, разделенные мнения и, соединяя их воедино, образовали одну царствующую мысль — мысль общей безопасности и защиты. Сии жестокие и блистательные эпохи выводили на свет из ничтожества людей чрезвычайных, открывали великие нравственные характеры, осиявали дела общественные необыкновенными дарами витийства и мудрости, облакали государства славою, воспламеняли умы, рождали деяния геройские, преображали самый характер народный, людей холодных делали энтузиастами, развратных — терпеливыми и храбрыми, добродетельных — жестокими.

В сих-то положениях государства афиняне отражают 100 000 персов при Термопилах,¹³ роскошные римские женщины отдают власы свои на веревки, датчане упрашивают короля взять над ними власть неограниченную, французы делают чудеса силы и жестокости.

Нельзя отрицать, чтоб все сии действия не были произведением народного духа, но тот весьма погрешит в понятиях своих о свойствах народных, кто действие сие, в моменты перелома и воспаления страстей рожденное, примет постоянным свойством народа. Правда, что ударение мыслям народным, силою сих обстоятельств данное, иногда довольно долго продолжается и после их, но если порядок вещей, заступивших их место, им не сообразен, оно по необходимости должно исчезнуть. Афиняне после славных побед обратятся к роскоши и тщеславию. Римские женщины будут дорожить своими уборами. Датчане сделаются холодными, французы — приятными, легкими и добродушными.

Из сего видно, что дух народный, рождающийся не от постепенного и непрерывного действия, но рождающийся внезапно от сильных потрясений государств, хотя может действовать сильно, но никогда не может действовать продолжительно.

Дух народный, образующийся просвещением, бывает постоянное. Когда постепенным действием науки, внушениями великих писателей или политическими происшествиями разум народный обращается на предметы правительства, когда мало-помалу общественные разговоры, дружеские беседы, собрания людей праздных или благомыслящих поставят внимание на сию материю, когда люди вообще пожелают знать, какими пружинами движется сия огромная машина, которая ими движет и управляет, когда сему склонению мыслей правительство будет содействовать, или стесняя их без благоволения, или благоприятствуя особенным к ним уважением, тогда мало-помалу из сих рассеянных мыслей срастается, так сказать, общее мнение о материях правительства и образуется в середине сил государственных новая сила, часто им поборающая, а иногда противодействующая, но в том и другом случае всегда заслуживающая уважения.

Дух народный если не рождается, по крайней мере сильно ускоряется действиями и податливыми началами правительства. Когда правительство заблаговременно признает пользу общего мнения для успеха благотворных его видов и, не ограничиваясь управлять справедливо, пожелает родить

общую уверенность в сей справедливости, пожелает, чтобы не только ему повиновались, но и любили бы его; если при том народ, коим оно управляет, имеет уже некоторую степень внимательности и просвещения, оно даст ему все средства составить себе ясные понятия о самых его действиях, вводит его в начала свои, приобщает, так сказать, к тайнам своим,* воспитывает его, дабы иметь славу и удовольствие управлять народом просвещенным, а не только рабов. Дух народный скоро созревает при сем спасительном действии правительства. Мало-помалу люди спорят со страхом и с надежностью, начинают рассуждать о предметах управления, мало-помалу приучаются сливать частные свои интересы с общими и, наконец, составляют общее мнение.

Таковы суть обстоятельства, в коих рождается дух народный. Признаки его определить посему нетрудно. Каждый может узнать, в каком положении находится дух народный в том или другом государстве. Нужно изъяснить пользу общего мнения и необходимость управлять им.

В государствах деспотических общее мнение не только существовать не может, но если бы каким-нибудь случаем оно и возникло в сем образе правления, кроме вреда и расстройства ничего произвести не может. Правление деспотическое может быть не только сильно, но по местным положениям необходимо. Оно может быть благотворно, судя по свойству лиц, в нем преобладающих. Но никогда не может и не должно оно терпеть общего мнения, если не желает ослабить собственных начал своих. *Divide et impera*** есть постоянное и коренное его правило. Государи, кои желали быть деспотами и вместе дозволяли или терпели свободу мысли их подданным, ввергали государства в бедствия, вводили себя в непрерывные противоречия и нередко кончали жестокостями (из Сегюра).¹⁴

Государь самовластный, если при самых лучших расположениях не может без вреда переменить образа, должен ограничить себя тем, чтоб делать современных ему подданных счастливыми, действуя на судьбу их путями сокровенными, подобно путям Провидения, и не думая о происшествиях грядущих.

* Легко приметить можно, что чем народ и правительство просвещеннее, тем менее тайнств политических. В деспотических государствах все таинство. Чем более государства приближаются к началам свободы, тем число тайн уменьшается.

** [Разделяй и властвуй (*лат.*)]

Но в государствах, кои политическим их положением призваны или призываются на чреду правления разумом и мудрою свободою установленного, общее мнение составляет силу, весьма уважительную и в самые первые стихии бытия их входящую.

Давно уже примечено, что законы без нравов не могут иметь полного действия;* в самом деле, законы не могут подчинить себе, как только действия явные и, так сказать, публичные. Законы, коих сила простиралась бы на внутренние движения людей, были бы законы жестокие и собственному своему установлению противоречащие, ибо законы должны покровительствовать свободе, а не уловлять ее подозрениями. Между тем нельзя не видеть, что публичные деяния людей тесно связаны с внутренним их расположением.

В самом деле, отчего наилучшие законы часто не производят своего действия или исполняются медленно? Оттого, что не находят они в сердцах соответствующего им расположения, оттого, что сие внутреннее и сильное начало убеждения и доверия, оживотворяющее все движения людей, им не содействует. Среди всей толпы частных польз, занимающих, колеблющих и увлекающих в разные стороны воображение, они идут, так сказать, одни без силы, без внимания, едва приметны для самых тех, коим исполнение их поручено. Подобно мертвым силам физическим они нудятся, но не действуют.

Явление сие в нравственной природе прежде еще было примечено, нежели в физической. В науке законодательства давно уже различены законы от установлений. Первые предписывают образ и правила деяний публичных; вторые приуготовляют внутреннее расположение и направляют его в движении. Нет закона, говорил Цицерон,¹⁵ который бы предписывал быть честным, добродушным, благотворительным, но есть установления, кои заставляют людей быть таковыми. Есть общее нравственное чувство, покрывающее стыдом обман, жестокосердие и самоугодие (эгоизм) даже и тогда, как закон терпит их или попускает.

Сие нравственное чувство берет начало свое в общем мнении. Были государства, в коих кража не считалась преступлением, где жестокость и ныне признается мужеством, где роскошь и тщеславие занимают место истинного величия.

* *Quid leges sine moribus vanae proficiunt.* Horat. [Какая польза в напрасных законах там, где нет нравов. Гораций¹⁶ (лат.)]

Столько пороки и добродетели зависят от общего или принятого мнения.

Из сего видно, что общее мнение, утверждая понятия общественные о пороке и добродетели, составляет одно из главных орудий закона.

В государствах, где нет общего мнения о предметах управления, все суждения о них разнообразны, уединены, недействительны. Там добрый и вредный закон приемлется с равнодушием, исполняется без усердия, проходит без внимания. Наилучшие намерения правительства подвергаются неправым толкованиям. Человек государственный, если не ищет он в делах своей корысти, не находит там ни опоры против злословия, ни возмездия за свои пожертвования. Там злоупотребление идет с открытым челом, как скоро закон его не преследует; оно не боится суда общественного, ибо суд сей там не существует. Словом, добродетель там не имеет другой награды, кроме внутреннего сознания, ни порок другого наказания, кроме собственного угрызения, — побуждения довольно важные, но не для всех чувствительные.

Но в государствах, где существует общее мнение о предметах управления, суждения могут быть в видах своих весьма различны, но все они идут к одной цели, к общему добру. Самые жаркие споры кончаются общим к нему устремлением. Там добрый закон не скользит по поверхности, но укореняется в сердцах, и исполнение его делается общественною потребностью. Закон вредный сокрывается сам собою, встречая во мнении народном силу, его испровергающую. Самые намерения правительства угадываются и встречаются с рукоплесканием. Голос публики защищает человека государственного от всех криков зависти и злословия. Злоупотребления, избегнув суда закона, предстают пред суд публики, несравненно ужаснейший, ибо следствие сего суда есть общее презрение. Там сознание добродетели утверждается общим уважением, а порок терзается бесчестьем.

Из всего сего видно, сколь спасительно в благоустроенном государстве действие общего мнения. Общее мнение часто подвергается заблуждению — случаи сего заблуждения остатки разнородных царств.